

Существенным, и как покажут первые сражения Первой мировой войны негативным отличием (в частности, от германской армии) русской армии — отсутствие в ней мирное время штатной войсковой конницы. Еще в ходе русско-японской войны пришлось импровизировать, переформировывая охотничьи (разведывательные) команды пехотных и стрелковых полков в конно-охотничьи (по 1–2 офицера и 100 солдат). Войсковой (корпусной, дивизионной, полковой) конницей считались те конные полки, которые непосредственно включены в армейские корпуса или пехотные дивизии и «работают» непосредственно в интересах пехоты. Причем вопросы подчиненности невозможно переоценить. В России же почти все конные полки в мирное время сводились в соединения (дивизии и бригады) — в стратегическую (армейскую) конницу. Это «массировало» русскую конницу, позволяло ей развивать навыки конного боя, но и отрывало от общеармейской тактики. В военное время по мере развертывания казачьих полков 2-й очереди предполагалось включать их в армейские корпуса по одному полку и одной сотне. Остальную и лучшую конницу на войне подчинили не корпусам, а армиям, затруднив тем развитие многих тактических побед русской пехоты.

Руководство русской армии расценивало отсутствие войсковой конницы как «весьма существенный недостаток организации» и принята в 1913 г. русская «Большая военная программа по усилению состава армии» среди прочего увеличивала конницу на 26 полков, на 1 186 офицеров, 38 831 нижних чинов или на 39%. «Кавалерийские дивизии должны были доводиться до пяти, а некоторые до шести полкового состава. При выступлении в поход пятые и шестые полки присоединялись к армейским корпусам, а остальные составляли стратегическую конницу. Итого 22 дивизии (вместо 18) и 2 отдельные бригады, и 20 полков корпусной конницы. Следовало сформировать и 6 запасных полков (*Цихович Я.К. Стратегический очерк войны 1914–1918 г. Ч. 1. М., 1922. С. 24*). Планировалось упразднить льготу донских, оренбургских и уральских казаков, создав кадры частей 2-й очереди. Однако реализовать этот план до Первой мировой войны не успели. К середине 1917 г. русская конница увеличилась до 264 полков, из которых лишь 52 составляли корпусную конницу, а остальные же входили в 48 кавалерийских и казачьих дивизий и 7 отдельных бригад.

Е.В. СЕВОСТЬЯНОВА

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВ ВЗАИМОПОМОЩИ УЧИТЕЛЕЙ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XX вв.

В Восточной Сибири Общества взаимного вспомоществования учащихся и учивших были организованы в Иркутской (1897 г.), Енисейской губерниях (1902 г.) и в Забайкалье (1903 г.).

До 4 марта 1906 г. в России не было единого закона об обществах и союзах, а отдельные положения были разбросаны по разным статьям свода законов. Содержание законодательства сводилось к тому, что устанавливался круг государственных органов, имевших право разрешать открытие обществ (научных, культурно-просветительных, профессиональных) и регулировать их деятельность. При этом не предусматривалось никаких правовых норм, которыми руководствовались бы сами общественные организации и органы ими ведавшие. Стремясь сохранить за собой инициативу по созданию общественных объединений, правительство определяло и рамки общественной деятельности. В 1894 г. МНП утвердило «нормальный» (образцовый) устав Обществ учителей, а право их утверждения было предоставлено учебному ведомству. В случае несоответствия проекта образцовому уставу, ходатайства об организации Общества отклонялись. Так, в 1900 г. было отклонено ходатайство об утверждении устава Товарищества учителей и учительниц народных начальных училищ Забайкальской области.

Членами Обществ взаимопомощи могли быть только педагоги училищ ведомства МНП, тем самым поддерживались искусственное разделение учителей разных ведомств. В 1902 г. Синод утвердил «нормальный» устав для Обществ учителей церковно-приходских школ.

По уставу члены Обществ подразделялись на действительных, почетных и членов-соревнователей. Почетными были те, кто сделал крупное пожертвование или оказал «значительные услуги». Действительными — учителя ведомства МНП, соревнователями — все содействующие. Правом на материальное пособие могли воспользоваться действительные члены после двух лет пребывания в Обществе. Характер помощи предполагался ссудно-возвратный, но отмечалось, что возврат пособия «нравственная обязанность» тех, кто сможет это сделать (*ГАЧО, ф. 4, оп. 1, д. 286*). Правовых санкций к должникам Общества применить не могли. Оставалось или взывать к совести должника или обратиться к администрации с просьбой о помощи. Так, в 1907 г. правление Красноярского Общества обратилось к директору народных училищ, который распорядился вычитать из жалования должников.

Одной из задач Обществ была помощь сельским учителям, наименее обеспеченным материально. Формально организация филиалов была разрешена МНП в 1904 г., тогда же был опубликован устав для них. Однако, когда Забайкальское Общество в 1904 г. ходатайствовало об открытии филиальных отделений, то получило немотивированный отказ. Филиалы в Нерчинском Заводе, Нерчинске, Верхнеудинске были организованы только в 1916 г.

Обществам учителей, как обществам благотворительного типа, помимо подробных годовых отчетов, необходимо было присылать и краткую выборку из отчетов на основании Устава общественного призрения (1892 г.). Выборка включала в себя сведения о капитале; расходах и до-

ходах; о числе лиц получивших материальные пособия (и чем именно — деньгами или вещами); о числе тех, кому отказано в помощи. В 1900 г. МВД потребовало предоставления отчетов двух видов: кратких в течение первых 4 месяцев работы, и полных отчетов за каждые 6 месяцев. Требование не всегда выполнялось, и в 1902 г. был вновь разослан циркуляр о необходимости строгой отчетности. Енисейский губернатор распорядился «немедленно» отослать отчеты, а до того запретил любые мероприятия для сбора средств. Он же указал, что нарушение отчетности вполне может «служить основанием для закрытия Общества» (*Там же, д. 4994*).

Рост числа Обществ учителей в России не могли не вызвать постановку вопроса о координации их деятельности, что выразилось в создании в 1905 г. Всероссийского союза учителей и деятелей народного образования. В духе времени в программу Союза была внесена политическая платформа. Союз сумел провести три съезда учителей и принял участие в обсуждении проблем образования в печати. Появившиеся журналы «Русская школа», «Вестник воспитания» подняли школьный вопрос до уровня общественно-политической проблемы.

6 марта 1906 г. был издан Указ «О временных правилах, об обществах и союзах». Закон впервые определял само понятие общество. Для их утверждения открывались губернские Присутствия по делам об обществах и союзах. В состав Присутствия входили: губернатор, вице-губернатор, председатель и прокурор окружного суда, городской голова и особо избранный гласный. Учредители общества подавали заявление на имя губернатора, где указывались цель деятельности, имена учредителей, район деятельности. Государственные служащие могли участвовать в научных, культурно-просветительных или благотворительных обществах, но за местным начальством оставалось право запретить учителям участие в любых обществах. За МВД оставалось право закрыть любое общество, если оно угрожает общественному спокойствию. Общество могло быть закрыто губернатором, если он признавал, что оно носит «явно антиобщественный характер». Это решение санкционировалось Присутствием, а первый департамент Сената был окончательной инстанцией в таких спорах.

После 6 марта образцовый устав утратил свое значение. Теперь государственные служащие могли образовывать общества только на основании уставов, утвержденных начальством. Если в общество входили и посторонние лица, то устав утверждался в общем порядке губернским Присутствием. Однако, ряд разъяснений Сената (1907, 1909, 1910 гг.) и циркуляр МВД от 20 октября 1909 г., по сути, отменили новый порядок. МНП предложило попечителям учебных округов приостановить утверждение Обществ учителей до выработки нового устава для них. Главным управлением по делам печати запрещены были, и издания, освещающие деятельность учительских обществ (например, «Учительские организации в России» В. Чарнолуцкого).

Усиление реакции привело к тому, что в 1908 г. Иркутское Общество было закрыто, его деятельность признана «тенденциозной и угрожающей общественной безопасности». Тогда же Забайкальский военный губернатор в специальном циркуляре требовал усиления контроля. Отмечая падение религиозности и нравственности, он оговаривал, что из 450 народных учителей Забайкалья «на высоте положения стоят только 11 человек» (ГАЧО, ф. 13, оп. 2, д. 91). Иркутское Общество обжаловало постановление в Сенате, который в 1910 г. отменил постановление, но Главный инспектор училищ Восточной Сибири распорядился о приостановки деятельности Общества до рассмотрения дела МНП.

Теперь уставы обществ, в которых состоят «как необходимый элемент» лица, служащие в правительственных учреждениях должны были предоставляться для утверждения начальству соответствующего ведомства. Даже в том случае, если в общество входили посторонние лица. На основании этого Забайкальское областное по делам об обществах и союзах присутствие в июне 1915 г. отказало в регистрации устава Забайкальского учительского общества.

В целом по России к 1905 г. существовало до 125 Обществ учителей, каждое из которых отмечало необходимость созыва съезда, но это сдерживалось как финансовыми трудностями, так и отношением правящих структур. МНП разрешил проводить съезды учителей с 1899 г., но сразу ввело ряд ограничений. Так, программа съезда учителей Иркутской губернии, состоявшегося в 1900 г. составлялась под руководством директора и инспектора народных училищ. Затем всесторонне обсуждалась комиссией из руководителей средних учебных заведений под председательством Главного инспектора училищ Восточной Сибири, после чего утверждалась генерал-губернатором. Каждый из участников заранее должен был представить текст выступления. К компетенции съезда относилось только обсуждение, он не мог утверждать постановления и проводить «голосования мнений». В ноябре 1905 г. военный губернатор Забайкалья разрешил съезд учителей, но в июне последовал секретный циркуляр МВД о целесообразности отложить все курсы и съезды до более спокойного времени. В 1910 г. МНП даже отказалось разрешать съезды своей властью, предоставив это право МВД.

В 1914 г. в секретном донесении директора народных училищ Забайкалья отмечалось, что учителя Забайкалья отличаются от учительства Европейской России. Значительную часть учителей составляют «инородцы», ссыльные, переселенцы и для большинства из них характерен недостаток образовательного ценза и отсутствие специальной педагогической подготовки. В силу этого учителя проявляют «большую смелость, грубость и повышенные требования». Часть учителей находит забвение в спирте, более инициативная увлекается деятельностью на поприще внешкольного просвещения, сохранив «яркие лозунги и призывы 1905 г.». Именно они стремятся к организации библиотек, которые становятся «базисом инакомыслия».

В целом специфика правового регулирования определялась сохранением самодержавной власти, что порождало, кроме законодательного регулирования, многообразие циркуляров и ограничений со стороны как центральных, так и местных ведомств. Политические изменения после 1905 г. мало изменили ситуацию. Общей тенденцией было стремление к сохранению строгого контроля над организацией, составом и деятельностью Обществ со стороны правительственных институтов, что сужало поле легитимной деятельности.

В.В. СИНИЧЕНКО

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА ИНОСТРАНЦЕВ-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ НА ВОСТОКЕ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

После образования в 1856–1858 гг. Приморской, а затем Амурской области перед российскими властями стал вопрос о правовом положении иностранцев-предпринимателей, прибывавших морем в край.

До 1860 г. иностранные предприниматели, действовавшие в крае, имели статус «иностранного гостя», который частично стеснял их хозяйственную деятельность. Так, иностранцы не могли открывать промышленные предприятия, пользоваться кредитом и пр. Окончательное снятие ограничений для деятельности иностранных купцов связано с принятием правительством России законов от 1 января 1863 г. и 9 февраля 1865 г. Они положили начало снятию с иностранцев ограничений для занятия торгово-промышленной деятельностью.

С этого времени право иностранцев на хозяйственную деятельность определялось ст. 516 Устава торгового Свода законов Российской империи. Иностранцы имели равные с россиянами права на ведения торговли. Право найма рабочих предоставлялось иностранным предпринимателям на основании ст. 100 Устава Промышленного (изд., 1858 г.) и ст. 524 Устава о колониях, разрешавшего иностранным поселенцам нанимать на сезонные работы рабочих и пользоваться 10-летней льготой в уплате податей и исправления повинностей. Согласно ст. 183 Уст. Торгового иностранцы имели одинаковые с российскими подданными права на занятие морской торговлей и речными перевозками. Некоторые исключения существовали только для каботажного плавания (*Государственный архив Иркутской области, далее ГАИО. Ф. 24, оп. 9, д. 10, л. 20–26; 39*).

Открытие иностранцами в России промышленных предприятий стало возможным с 1887 г., когда начало меняться фабрично-заводское законодательство. В 1892 г. был принят новый Устав о промышленности. Ст. 177 Устава о промышленности разрешала иностранцам устраивать фабрики и заводы, а также получать патенты на изобретения без вступления